

Эдвард Радзинский

**Последняя
ночь
последнего
царя**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1—131.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р15

Радзинский Эдвард Станиславович

Р15 Последняя ночь последнего царя / Радзинский Э. С. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Краткий курс истории).

ISBN 978-5-17-106677-2

Расследование цареубийства. Новая версия автора. Казнь глазами палачей.

УДК 821.161.1—131.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106677-2

© Радзинский Э.С.

© ООО «Издательство АСТ», 2017

**ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ
ПОСЛЕДНЕГО ЦАРЯ**

Пьеса-расследование

Документы и письма цитируемые в пьесе — подлинны.

ДЕЙСТВУЮТ:

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ (Ники, звали его в Семье) — последний русский царь.

После Февральской революции отрекся от престола и был сослан с семьей в Тобольск. После прихода к власти большевиков перевезен на Урал в Екатеринбург, где вместе с семьей продолжал содержаться под арестом.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА РОМАНОВА (Аликс, как называли ее в семье) — последняя русская царица. Ее старшая сестра Элла — была женой Велико-го князя Сергея Александровича убитого бомбой террориста в 1905 году.

БОТКИН ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ — доктор. Добровольно разделил ссылку и заточение с царской семьей.

ЛУКОЯНОВ ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ — недоучившийся студент Московского университета, профессиональный революционер, большевик (партийная кличка «товарищ Маратов»). В 1918 году — в 24 года стал председателем всей Уральской ЧК.

ЮРОВСКИЙ ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ профессиональный революционер, большевик, чекист. В 1918 году комендант Ипатьевского дома. (Так по имени прежнего владельца — инженера Ипатьева называли дом, где содержалась под арестом царская семья.) В 1920 году Юровский написал секретную «Записку о расстреле в Ипатьевском доме Царской семьи».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РАССТРЕЛ.

1 августа 1938 года выдалось в Москве очень жарким.

И только ночь принесла в расплавленный город хоть какую-то прохладу. В ту ночь в Кремлевской больнице в большой, но странно пустой палате на кровати спал единственный больной — Яков Михайлович Юровский, когда приоткрылась дверь, и в темноте возник силуэт мужчины.

Он проскользнул вглубь палаты и некоторое время неподвижно сидел в темноте.

Будто почувствовав его присутствие, просыпается Юровский, приподнимается на постели — испуганно всматривается в темноту. Но никого не увидев, успокаивается, укладывается обратно. Потом вслух, будто в ночном бреду, лихорадочно начинает говорить, почти кричать:

ЮРОВСКИЙ И. «Дорогие мои дети! Мне минуло шестьдесят! Так сложилось, что я вам почти ничего не рассказывал о себе, о моем детстве, о молодости». (*Кричит.*) Мне больно! Сестра! Сестра! «Дорогие мои! Наша семья страдала меньше от постоянного голода, чем от религиозного фанатизма отца. И мой первый протест был против религиозных, сионистских традиций. (*Кричит.*) Я возненавидел Бога и отцовские молитвы, как свою нищету и своих хозяев. Ваша сестра Римма сможет вспомнить отдельные эпизоды революции, царскую тюрьму». (*Кричит.*) Мне больно! Сестра!

Смешок мужчины из темноты.

МУЖЧИНА. Не следует так кричать. Уже поздно — и сестра спит.

ЮРОВСКИЙ. Как спит? Как она может спать? Мне нужен укол!

МУЖЧИНА. Тебе непременно сделают укол. Под утро.

Молчание.

ЮРОВСКИЙ. Кто ты?

МУЖЧИНА. Готовишься к смерти? Последнее письмо — детям ...

ЮРОВСКИЙ. Мне больно. Кто ты?

МУЖЧИНА. Но вообще-то у тебя обычная язва. Ты здоров, как бык.

ЮРОВСКИЙ. Я умираю.

МУЖЧИНА. Это правда, на рассвете ты обязательно умрешь, хотя здоров, как бык.

ЮРОВСКИЙ. Откройте свет!

МУЖЧИНА. Мы не любили свет при допросах. Темнота помогает страху, а страх как ты помнишь — нужной беседе.

Зажигает тусклый ночник.

ЮРОВСКИЙ. Какие допросы? Почему допросы?

Молчание.

ЮРОВСКИЙ. Я буду кричать.

МУЖЧИНА. Не будешь. Лихорадочно думаешь: «Почему нет сестры? Значит, удалили? Значит, действительно за мной пришли? Пинок под зад?»

ЮРОВСКИЙ. Что, что?

МУЖЧИНА. Надеюсь, не забыл свое образное выражение. Когда в тесном подвале ставили человека к стенке и спускали курок — надо было одновременно дать ему легонечко коленкой под зад, чтоб не забрызгал кровью гимнастерку. Много твоих знакомцев, вчерашних вождей, уже получили свой пинок под зад. Всю ночь по Москве — машины, машины. Рас-

стреляли Сашку Белобородова. Белобородов — твой друг, вождь Красного Урала, хозяин царской семьи. Отсюда из постели в кальсонах увезли! (Смеется.) Да, в нашей Кремлевке после каждой ночи все просторнее и просторнее. В пустых палатах возлежим. Идет большая охота на всех, кто сделал нашу горькую революцию. И ты, конечно, ждешь! Особенно после того, как дочку взяли.

ЮРОВСКИЙ. Кто ты?

МУЖЧИНА. «Ваша сестра Римма может вспомнить революцию. Царскую тюрьму».

Смех в темноте.

МУЖЧИНА. Только упомянуть испугался — где будет вспоминать дочь Римма царскую тюрьму? В нашей тюрьме. Перед которой та, царская — санаторий. Римма — вождь комсомола, раскрасавица. Помнишь, как она звонила тебе в тот день?

ЮРОВСКИЙ. В какой день?

МУЖЧИНА. Как волновалась, а вдруг отменят убийство девушек — ее ровесниц? Или больного мальчика.

ЮРОВСКИЙ. Кто ты?

МУЖЧИНА. А в лагере с ней «поозорничают». Кстати, тоже твое словечко. Ты как-то рассказал в тюрьме, куда свезли дочерей городской буржуазии. Ох, как озорничали с ними уголовники...

ЮРОВСКИЙ. Больно. Укол! Укол, товарищ!

МУЖЧИНА. Наконец-то! Сообразил, я — товарищ. Кстати, тоже больной товарищ. В июле всегда в больницу попадаю. Нервы шалят в июле. Ты, конечно, понял — отчего в июле?

ЮРОВСКИЙ. Был там...

МУЖЧИНА. Тоже был там. Видишь, как узнать помогаю.

ЮРОВСКИЙ. Много там было.

МУЖЧИНА. Да мало осталось. На дворе 38-й, и вряд ли кто из нас увидит 39-й. Обо всех позаботится «великий и мудрый Усатый»

ЮРОВСКИЙ. Ты провокатор!

МУЖЧИНА. Нет, сумасшедший. Твои товарищи «пинок под зад» от него получили, а ты его Учителем звать будешь. Твою дочь в лагере, может, насиловать будут, а ты его Отцом назовешь... Нет-нет, я без иронии — так и есть! Он — наш Отец. В крови рожали мы Новый мир. Кровавый нам дан Отец. Мы просто не поняли этого тогда — в том июле, в том доме.

ЮРОВСКИЙ. Больно!

МУЖЧИНА. Ты помнишь, приземистый дом каменным боком спускается вниз по косоугору. Окна подвальные с трудом выглядывают из-под земли. И одно окно — с решеткой. Это — окно той комнаты. Через два года после расстрела, в июле 20-ого я опять туда приехал. В дом! В июле мука у меня начинается. Был душный вечер. Подошел к дому. Там тогда музей Революции вы устроили. В доме, где одиннадцать человек убили. Ох, какая это мудрость — устроить в доме царской крови музей — горькой нашей Революции. Был вечер. Музей, конечно, закрыт... Я через забор перемахнул и пошел по саду... Блестела стеклами терраса... Террасу-то помнишь?

ЮРОВСКИЙ. Там пулемет стоял.

МУЖЧИНА. Bravo! Сады благоухали, как в ту ночь. «Аромат садов» — так он записал в дневнике. Я окошечко в доме разбил — и через маленькую прихожую прошел в ту комнату. Ты помнишь ту комнату?

ЮРОВСКИЙ (*усмехнулся*). Я все помню, товарищ Маратов.

МУЖЧИНА. Ну вот — узнал.

ЮРОВСКИЙ. Я тебя сразу узнал. Да ты это не понял.

МАРАТОВ. Она была совсем пустая, как тогда — двадцать лет назад, когда ты меня туда привел — впервые. Только теперь в пустой комнате стояли два стула — посредине.

ЮРОВСКИЙ. Да, после твоего отъезда, твоего бегства для паренька и для нее два стула поставил.

МАРАТОВ. И на всех стенах россыпи пулевых отверстий

ЮРОВСКИЙ. Метались они по комнате.

МАРАТОВ. И в коричневом полу выбоины...

ЮРОВСКИЙ. Докальвали!

МАРАТОВ. И у самого пола на обоях пятна, пятна...

ЮРОВСКИЙ. От замытой царской крови. Лужи были крови.

МАРАТОВ. А все остальное было, как тогда... Когда ты меня туда привел *перед*... Как тогда там была тишина и странный покой. Правда, *тогда* эту тишину подчеркивал стук его шагов на втором этаже. Он все ходил там наверху в их комнатах.

ЮРОВСКИЙ. Точно, была у него привычка мерить комнату гвардейским шагом. Часами ходит, ходит и о чем-то думает.

МАРАТОВ. Вот в той подвальной комнате в июле 20 года я и увидел их в первый раз.

ЮРОВСКИЙ. Кого?

МАРАТОВ. Старую парочку. Пришли и сели на эти стулья. Нет-нет, я, конечно, понимал, что это все кажется, но сидят, сидят... В комнате, где вы их расстреляли. (*Шепчет*) И сейчас сидят у самой стены.

ЮРОВСКИЙ. Укол! Укол! Больно! Сестра!

МАРАТОВ. Совет: не зови сестру! Я ведь не сказал главное: когда сестра придет — укол будет последним.

ЮРОВСКИЙ. Ты что?

МАРАТОВ. Ты не удивляйся. Французский революционер, казненный собственной революцией, прокричал ее закон «Революция, как бог Сатурн непременно пожирает собственных детей! Ты — темный, полуграмотный, ты этого не знал. Но мы, образованные, знали. И почему-то верили, что нам закон не писан. И только сейчас поняли — те, кого расстреляли тогда в июле в той подвальной комнате, обозначили начало. Начало Эры Крови... И вся наша История далее — Россия, кровью умытая. (*Смешок*)

И сегодня в этой эре твою дату проставят...

ЮРОВСКИЙ. Когда?

МАРАТОВ. Молодец, не сомневаешься. Умрешь на рассвете. С великой милостью к тебе. Ты ведь персонаж исторический: цареубийца. Слишком мало вас осталось, исторических персонажей, нашей горькой Революции. Потому не станешь врагом народа. В некрологе напишут: друг народа, цареубийца умер от сердечного приступа.

Молчание.

Как обычно, в шесть утра придет сестра, и получишь последний укол. Вместо пинка под зад — укол в зад. Конец героя.

ЮРОВСКИЙ. Откуда знаешь?

МАРАТОВ. Сестра с чекистом балуется. Я к ней за снотворным пришел, а они — на кушетке... Ну, дело молодое. И в перерывах эту новость про тебя обсуждают. Они при мне не церемонятся. Я ж ненормальный. Пока баловались — таблетки у нее и спер.

ЮРОВСКИЙ. Какие таблетки?

МАРАТОВ. То есть как это, какие?! Для тебя — от боли.

Молчание.

МАРАТОВ. Как услышал, что тебя в Кремлевку положили, сразу понял — живым не выпустят. И поспешил сюда же улечься. Редко пользуюсь прежними привилегиями — чтоб внимание не привлекать. А тут, думаю, нет, надо спешить к нему — успеть с **последним разговором**.

ЮРОВСКИЙ. Хорошую весть ты мне принес, товарищ. Я так устал от этой боли.

МАРАТОВ. И еще больше от ожидания, когда тебя заберут. От своего страха. И от беспомощного страха за нее — за дочь.

ЮРОВСКИЙ (*хрипло*). С каким разговором ты пришел, товарищ?

МАРАТОВ. Я давно хотел прийти, но боялся, что разговора не получится — попросту выдашь... А теперь — получится... Перед смертью хороший разговор получается, к тому же таблеточки. Практику нашу не забыл? Разговор состоит из вопросов и ответов. Нет ответа.

ЮРОВСКИЙ (*усмехнулся*). И таблеточки — нет. О чем же отвечать, товарищ?

МАРАТОВ. Сбил ты меня... Трудно держать мысль. Они говорят, говорят, говорят. И звонки — все время твои звонки, звонки. И та комната. Ты один мо-

жешь помочь мне уйти из той комнаты. Мне нужно отсюда уйти. Но придется начинать сначала. Итак, 16 июля 1918 года в десять вечера мы пришли в ту комнату. Ты меня туда привел. И я увидел ее впервые. Там темнота была, но — щелчок — ты включил свет, загорелась голая лампочка под потолком, осветила ту комнату. Подвал. Единственное оконце закрыто деревянной решеткой. В оконце видны ноги часового. 20 лет назад! Как время-то пролетело! Ты еще черноволосый, а я молоденький худенький «товарищ Маратов». Оба мы в черных кожанках, чекисты так модничали. Карманы, конечно, оттопырены револьверами И далекая канонада. Белые у Екатеринбурга. Я навсегда запомнил наш разговор *в той комнате*.

ЮРОВСКИЙ. Как слышна канонада, сынок! Через пару дней сдадим город.

Шаги по потолку.

Вот так все время ходит, ходит. Из монастыря принесли яйца, молоко для паренька. Все хорошо уложено — в корзинах. (Усмехнулся.) Ну, утром еда мальцу ... не понадобится. И можно будет эти корзины прихватить с собой, когда повезем хоронить. Мороки с трупами много будет — ребята проголодаются.

МАРАТОВ. Охрана?

ЮРОВСКИЙ. Предупредил. Особо не распространялся. Сказал: «Услышите выстрелы в подвале, не волнуйтесь — так надо». Но они, конечно, поняли: видишь-видишь?!

МАРАТОВ. И я посмотрел в окно, а там — сапоги, взад-вперед, взад-вперед... Это часовой Дерябин примерялся, как бы ему половчее встать, чтоб все увидеть. Зритель!

ЮРОВСКИЙ. Утром я их доктору сказал: «Город обстреливают, то да се. В целях безопасности придется иногда отсиживаться в подвале». Так что они не удивятся, когда мы их сюда пригласим. Сверим часы.

МАРАТОВ. У меня десять, ровно

ЮРОВСКИЙ. Белобородов обещал, что грузовик за трупами придет к полуночи. И сразу начнем. Лик-

видация, думаю, займет полчаса. Плюс уборка трупов. Возьмем оглобли во дворе, они стоят у сарая и привяжем к ним простыни с их постелей. Выносить будем в этих простынях, чтобы кровью коридор не заляпать. Все продумано.

МАРАТОВ. Комната уж очень маленькая, товарищ Яков. Двенадцать исполнителей и их тоже — двенадцать. Когда начнется, они ведь забегают по комнате. Можем перестрелять друг друга.

ЮРОВСКИЙ. Ну, во-первых, их будет уже одиннадцать. Мальчика-поваренка я у них после ужина забрал. Сказал, дескать, дядя его с деревни приехал — свидание попросил с племянником.

МАРАТОВ. Это хорошо. И так команда ворчит — девушек расстреливаем!

Шаги.

ЮРОВСКИЙ. Все ходит. Небось, радуется: дескать, скоро мы уйдем из города. Уйти-то уйдем... Да так на прощание хлопнем дверь, что мир содрогнется. Ну а насчет самой «ликвидации» я тоже все продумал.

Позавчера они попросили отслужить обедницу. Ну, думаю, пусть отслужат в последний раз. Я, сын нищего еврея разрешил последнему царю последнюю церковную службу — вот она, Великая Революция! Привел к ним священника — а они уже приготовились к службе. Выстроились: Царь посредине стоит, Алексей сидит на стуле, и Александра Федоровна рядом в кресле-каталке. И я подумал: как удобно вы встали! Будто для расстрела! Вот так же через два часа я их выстрою.

МАРАТОВ. Как это выстроишь?

ЮРОВСКИЙ. Революционная хитрость, сынок, все сам увидишь. В центре также поставлю царя, справа от него Алексея, царица будет рядом сидеть. И дочери в ряд у арки. Короче, Романовы окажутся выстроенными лицом перед двустворчатыми дверями.

И тогда откроются двери, и в дверях прямо перед ними встанет команда. И начнем.

МАРАТОВ. Действительно, ты все продумал.

ЮРОВСКИЙ. Но одна вещь смущает: Священник рассказал по ходу службы, как только произнесли «со святыми упокой», все Романовы вдруг на колени встали. И в глазах Николая, священник сказал, были слезы.

МАРАТОВ. Думаешь — чувствуют?

ЮРОВСКИЙ. Думаю. И сегодня, когда забрали поваренка, она три раза доктора Боткина посылала узнать, когда мы поваренка вернем. Нервничает. Явно. А после ужина зачем-то в кладовую ходила и большой портфель из чемодана забрала. Я, конечно, поднялся к ним — послушал под дверь. Но они...

МАРАТОВ (*усмехнулся*). По-английски?

ЮРОВСКИЙ. Да, по-английски...

МАРАТОВ. Хорошо, схожу, послушаю...

ЮРОВСКИЙ. Сходи, сынок. По-иностранному ты у нас один понимаешь. Ты ведь из образованных.

И я поднялся на 2 этаж.

У дверей пристроился и начал слушать...

В комнате НИКИ и АЛИКС.

АЛИКС. Жутко глядеть на эту решетку.

НИКИ. (*расхаживая*). Да... да...

АЛИКС. Хорошо, что стемнело — она не так видна.

НИКИ. Да... да...

АЛИКС. Что-то в этом было ужасное, когда пришел хмурый мужик и молча прибил решетку. Единственное окно, которое некогда разрешали открывать. Их вечный их страх, что мы убежим.

Далекая канонада.

АЛИКС. Стреляют.

НИКИ. Артиллерия...

АЛИКС. Прошлой ночью до самого утра — этот звук.

НИКИ. Да... да... (*расхаживает*.)

АЛИКС. Доктор сказал, что вчера в подвале они прибили на окно такую же решетку. Почему?! Нервная,

сумасшедшая... Не могу заснуть — вслушиваюсь в ночь и все думаю... Думаю...

Девичий смех за стеной.

Никак сегодня не уgomонятся — они разбудят Маленького.

Она идет вглубь комнаты, поправляет постель
спящего Алексея.

АЛИКС. Как он вырос, но такой бледный. Какая прекрасная была служба! Он плакал, ты не заметил?

НИКИ. Да... да...

АЛИКС. И ты тоже плакал.

НИКИ. От счастья. Мы все вместе. *(расхаживает.)*

Смех за стеной.

АЛИКС. Спать, девочки, спать — все разговоры на завтра. И девочки — совсем взрослые. Все быстро. Как сон...

НИКИ. Да, дорогая, комендант предупредил доктора. Возможно, иногда нам придется проводить время в подвале.

АЛИКС. В подвале?!

НИКИ. Для нашей же безопасности — город обстреливают. И к тому же они боятся нападения анархистов. Возможно, поэтому и прибили решетки. Все просто.

АЛИКС. Как мне не нравятся их заботы! Ты помнишь, не так давно они вдруг захотели перевести нас в Москву. И тогда тоже они говорили об анархистах. Но никуда мы не поехали. Когда же это было? Почему-то сегодня целый день всё вспоминаю, вспоминаю.

НИКИ. Это было 31 мая... Я записал.

АЛИКС. Записал?!

НИКИ. В дневнике.

АЛИКС. Зачем?! Я просила, Ваше Величество, ничего серьезного в дневник не записывать.

Он молча пожимает плечами.